

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Плотникова Анастасия Ильинична

**Подсистема форм родительного и местного падежей
единственного числа существительных мужского рода в
русских диалектах XVII в. и ее дальнейшая судьба**

Специальность: 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2019

Работа выполнена на кафедре русского языка филологического факультета
МГУ имени М. В. Ломоносова

Научный руководитель: **Галинская Елена Аркадьевна,**
доктор филологических наук, профессор

Официальные оппоненты: **Гиппиус Алексей Алексеевич,**
доктор филологических наук, член-
корреспондент РАН, ведущий научный
сотрудник Лаборатории
лингвосомиотических исследований
факультета гуманитарных наук Школы
филологии НИУ «Высшая школа
экономики»

Кузьминова Елена Александровна,
доктор филологических наук, доцент
кафедры русского языка для иностранных
учащихся филологического факультета
Московского государственного
университета имени
М. В. Ломоносова

Пичхадзе Анна Абрамовна,
доктор филологических наук, ведущий
научный сотрудник Отдела
лингвистического источниковедения и
истории русского литературного языка
Института русского языка имени
В.В. Виноградова РАН

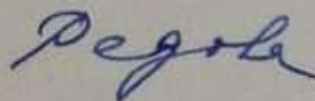
Защита диссертации состоится « » 2019 г. в часов на
заседании диссертационного совета МГУ.10.01 Московского государственного
университета имени М. В. Ломоносова по адресу: 119991 ГСП-1, Москва,
Ленинские горы, МГУ имени М. В. Ломоносова, 1-й корпус гуманитарных
факультетов, филологический факультет.

E-mail: russlang@philol.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной
библиотеки МГУ имени М. В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на
сайте ИАС «ИСТИНА»: <https://istina.msu.ru/dissertations/197178272/>

Автореферат диссертации разослан « » 2019 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук, доцент

О.В. Дедова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В современных русских диалектах, а также на более ранних этапах их развития, есть группы существительных мужского рода, способных присоединять окончание -у в родительном и предложном (местном) падежах¹ единственного числа, наряду со стандартными окончаниями -а и -е (-ѣ). Диссертация посвящена проблеме нестандартной флексии -у в указанных формах в парадигме существительных мужского рода, а именно анализу факторов, которые влияют на выбор окончаний в языке деловых текстов XVII века, в сравнении с ситуацией в современных русских диалектах (XX века). Наличие в русском языке форм на -у в РП и ПП объясняется совпадением в нынешнем втором склонении древних *ѡ-склонения и *ѣ-склонения, которые рано начали взаимодействовать благодаря совпадениям в парадигме. Для языка XVII века различие этих типов склонения уже не является фактом языка, и принадлежность слова к древнему *ѣ-склонению не является решающим фактором выбора окончания -у. Можно заметить, что окончание -у в XVII веке стало предпочтительным для многих существительных изначального *ѡ-склонения, и наоборот, существительные бывшего *ѣ-склонения активно присоединяли стандартные окончания *ѡ-склонения, зачастую проявляя вариативность окончаний в идентичных контекстах. Гипотезы о причинах более раннего или более частотного распространении окончания -у в РП и МП некоторых групп слов *ѡ-склонения предлагались в научной литературе: их выдвигали А.И. Соболевский («Лекции по истории русского языка» М., 2007, с. 170-172), А.А. Шахматов («Историческая морфология русского языка» М., 1957, с. 240-257), П.С. Кузнецов («Очерки исторической морфологии русского языка» М., 1959, с. 13-24, «Историческая грамматика русского языка. Морфология» М., 1953, с. 70-77), В.М. Марков («Историческая грамматика русского языка. Именное склонение» М., 1974), С.П. Обнорский («Именное склонение в русском языке. Единственное число» М., 2010, с. 98-232), Л.А. Булаховский («Исторический комментарий к русскому литературному языку» Киев, 1950, с. 115-118), Г.А. Хабургаев («Очерки исторической морфологии русского языка» М., 1990, с. 94-104), С.В. Бромлей и Л.Н. Булатова («Очерки по морфологии русских говоров» М., 1972., «Формы предложного падежа с окончанием -у в

¹ Далее РП, ПП и МП.

различных диалектных системах склонения существительных» // Русские диалекты. Лингвогеографический аспект. М., 1987), А.А. Зализняк (Русское именное словоизменение. М., 2002), М.В. Шульга (Грамматические оппозиции в истории морфологии имени. М., 2017).

На основе параметров, предложенных исследователями в качестве влияющих на выбор окончания, была создана разветвленная классификация существительных мужского рода по указанным параметрам. Таким образом, **предметом исследования** стали формы РП и ПП (МП) единственного числа существительных мужского рода (а также указанные формы с окончанием -у существительных среднего рода).

Объектом исследования являются тексты делового содержания XVII в. В качестве **источников** послужили различные документы деловой письменности, представляющие три диалектные области XVII века: памятники Владимирского края по изданию «Памятники деловой письменности XVII века. Владимирский край»² под ред. С. И. Коткова. М., 1984. (323 текста) – восточнорусская территория; южновеликорусские памятники XVII века по изданию «Памятники южновеликорусского наречия конца XVI – начала XVII в. (Челобитья и расспросные речи)»³ под ред. С. И. Коткова, М. 1993. (161 текст) – южнорусская территория; памятники обороны Смоленска 1609-1611 гг. по изданию «Памятники обороны Смоленска 1609–1611 гг.»⁴ под редакцией и предисловием Ю. В. Готье. М. 1912. (283 текста) – западнорусская территория. Среди исследованных документов – отказные и отдельные книги; посевные, ужинные, опытные и умолотные книги и памяти, расходные книги хлебу, досмотренные книги животных и крестьянского заводу; приходно-расходные книги, книги записи купчих и иных крепостей, таможенные книги и выписи, а также росписи; челобитные, обыскные и сыскные, допросные и расспросные речи; отписки, отписи, памяти, сказки, поручные и другие записи; грамотки. Анализ современной ситуации в соответствующих диалектных областях России велся на материалах оцифрованных архивных записей ИРЯ им. В.В. Виноградова с

² Далее [Пам.Влад.].

³ Далее [Южн.Чел.].

⁴ Далее [Пам.Смол.].

территорий, соответствующих территориям, к которым относится материал XVII в.: Владимирской (продолжительностью 05:57:04), Курской, Белгородской, Воронежской и Орловской областей (продолжительностью 16:26:16); материал XX в. по Смоленской территории (продолжительностью 06:52:31) – из аудиозаписей диалектологических экспедиций И.Б. Качинской.

Цель исследования – описав и систематизировав критерии, предложенные перечисленными выше исследователями, применить их к материалу документов деловой письменности, представляющему три диалектные области XVII века, и к данным соответствующих диалектов русского языка XX века и таким образом выявить факторы, в той или иной мере влияющие на присоединение или неприсоединение конкретными словами окончания -у в РП и МП, а также сравнить полученные диахронные и синхронные результаты.

Для достижения этой цели был поставлен ряд **задач** и выбраны **методы** для их выполнения. С применением **описательного метода** осуществлен обзор различных подходов к объяснению выбора того или иного окончания, теоретический материал для этой задачи был извлечен из работ исследователей вопроса. С помощью **аналитического и синтетического методов** была создана разветвленная классификация параметров существительных мужского рода в единственном числе, при этом сначала они были разделены на типы по языковым уровням (семантические, морфонологические, акцентологический, синтаксические параметры), а затем был разработан поэтапный механизм проверки этих параметров, чтобы выяснить, которые из них могут являться действующими факторами выбора окончания. Такой механизм проверки позволил выяснить, какие из параметров слова могут работать вместе на принятие окончания, а какие параметры не имеют подобной связи и на выбор окончания не влияют. С помощью **метода количественного подсчета** был проведен подсчет случаев принятия как стандартного, так и нестандартного окончания всеми существительными мужского рода в единственном числе в исследованных формах, встретившимися в материале. С помощью **сравнительного метода** ситуация распределения окончаний в языке XVII века сравнивалась с ситуацией в современных русских диалектах.

Достоверность результатов работы подтверждается достаточным объемом исследованного материала (767 текстов XVII в. и аудиозаписи диалектной речи XX в. продолжительностью 29:15:51), современными методами исследования, которые соответствуют поставленным в работе целям и задачам. Научные положения и выводы, сформулированные в диссертации, подкреплены фактическими данными, результаты количественного анализа представлены в таблицах. **Личный вклад автора** состоит в постановке проблемы, сборе материала, разработке механизма анализа материала и в самом анализе.

Научная новизна работы определяется, во-первых, тем, что выбранные для анализа тексты XVII века и диалектные записи XX века с точки зрения функционирования форм РП и ПП (МП) прежде никем не изучались, и, во-вторых, методологией комплексного поэтапного исследования различных факторов, влияющих на присоединение того или иного окончания, которая применяется впервые.

Актуальность выбранной темы обусловлена необходимостью детального исследования нестандартных морфологических явлений, связанных с вариативностью окончаний, как в истории русского языка, так и в современных диалектах.

Работа имеет **теоретическую значимость** для исторической морфологии русского языка и для синхронной русской диалектологии, так как освещает практически неизученный вопрос о распределении вариантных окончаний *-а/-у* и *-ѣ (-е)/-у* в РП и ПП (МП) в XVII и XX вв., причем применительно к обширным диалектным зонам.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее материал может быть использован в университетских учебных курсах по исторической грамматике и русской диалектологии, а также в учебных пособиях по названным предметам.

Апробация работы. Основные положения диссертации изложены в 4-х публикациях в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по специальности 10.02.01. – русский язык («Вестник Московского университета» и «Мир науки, культуры, образования»), в 7-и докладах и тезисах международных научных

конференций: Международный молодежный научный форум «Ломоносов-2013», Международный молодежный научный форум «Ломоносов-2014», Международный молодежный научный форум «Ломоносов-2016», Русская грамматика 4.0., III Международный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире», Словенский язык, литература и культура в славянском и европейском контексте, 12th Slavic Linguistics Society Annual Meeting.

Полный текст диссертации обсуждался на кафедре русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова 16 мая 2018 г.

Положения, выносимые на защиту:

1. Ни один параметр существительного сам по себе не является самостоятельным фактором выбора окончания.

2. Параметры одного языкового уровня сами по себе также не влияют на выбор окончания, однако, взаимодействуя, они могут определять выбор окончания.

3. На основании комплексной проверки всех параметров для языка XVII века можно вывести одно правило выбора окончания, работающее в 100% примеров: все существительные с вещественно-собирательным значением акцентной парадигмы⁵ *с* в РП с партитивным значением принимают окончание -у;

4. Кроме этого правила, можно выявить следующие сильные тенденции в выборе окончания в ситуации XVII века:

а) существительные а.п. *а*, соотнесенные с глаголом, в большинстве случаев принимают окончание -у в РП и -ѣ в МП (это, вероятно, объясняется изначальной ударяемостью окончания -у в локативе у слов с древней *й-основой, что невозможно для существительных а.п. *а*);

б) существительные а.п. *с*, соотнесенные с глаголом, почти всегда имеют нестандартные флексии в обеих формах;

в) существительные а.п. *с*, которые в большинстве своем односложны, принимают окончание -у в МП со значением пространственной локализации, независимо от характера конца основы. Слова а.п. *б* редко имеют окончание -у в этом контексте, все такие слова – односложные с основой на заднеязычный; слова

⁵ Далее а.п.

а.п. а с окончанием -у также редко встречаются в этом контексте, все такие слова – топонимы с основой на заднеязычный;

5. Для ситуации XX века характерно следующее:

а) почти все вещественно-собирательные существительные в контексте партитива присоединяют окончание -у, независимо от а.п.; в остальных контекстах примеры с окончанием -у очень малочисленны (больше всего примеров на южнорусской территории), в чем можно видеть процесс формирования партитива как дополнительного падежа, если сравнить с ситуацией XVII в. (когда окончание -у в РП широко употреблялось и в других контекстах, вероятно, впоследствии ограничив свое употребление лишь партитивом из-за большой последовательности присоединения существительными окончания -у в этом контексте);

б) главными факторами принятия нестандартной флексии в РП, помимо контекста партитива, являются односложная основа на заднеязычный согласный, соотношенность с глаголом и принадлежность к а.п. с; при этом ни односложность, ни заднеязычный в исходе основы по отдельности не являются факторами выбора окончаний.

в) для ПП в XX в. работают те же принципы, что и для МП в XVII в.

Структура работы: диссертация состоит из введения, восьми глав, заключения, трех приложений и списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается выбор темы, её актуальность, новизна, теоретическая и практическая значимость работы, определяются объект, цели и задачи исследования, его методологическая основа, дается характеристика материала. Оговаривается источник появления окончания -у и определяется круг существительных, имевших древнюю *й-основу, а также рано подвергшихся влиянию слов *й-склонения (на основании данных, извлеченных из работы: Эккерт Р. Основы на *и в праславянском языке // Ученые записки Института славяноведения Т.27. М., 1963).

Глава 1 посвящена описанию параметров существительных, которые оказывали влияние на выбор окончания. В научной литературе предлагались следующие факторы выбора окончаний:

- одушевленность / неодушевленность (окончание -у характерно для неодушевленных существительных, но на западной и южной территории может распространяться и на одушевленные);

- род (окончание -у характерно для слов мужского рода, но на западной и южной территории может распространяться и на средний род);

- соотношенность / несоотношенность с глаголом (существительные, соотношенные с глаголом, т.е. приглагольные имена нулевой суффиксации, по определению В.М. Маркова⁶, предпочитают окончание -у в РП и МП);

- акцентологический критерий (слова с подвижным ударением более всего склонны к окончанию -у);

- число слогов в основе (слова с односложной / двусложной при полногласии / безгласной основой чаще присоединяют окончание -у);

- согласный в исходе основы (задненёбный или непарный по твердости / мягкости согласный в исходе основы обуславливает выбор окончания -у);

для РП также:

- принадлежность слова к определенной семантической группе: индивидуальные предметы, вещественные и собирательные слова, абстрактные понятия, названия местностей (окончание -у чаще присоединяют существительные с вещественно-собирательным и абстрактным значением, а также слова, обозначающие местности);

- значение РП, в котором встретилось слово (окончание -у чаще всего выбирают существительные в контексте партитива);

- отсутствие множественного числа (неисчисляемые существительные чаще имеют окончание -у);

для МП также:

- локализирующее значение МП (окончание -у чаще присоединяют существительные со значением пространственной или временной локализации);

⁶ Марков В.М. Историческая грамматика русского языка. Именное склонение. М., 1974. С.51-54.

- наличие предлога *в* или *на* (существительные с этими предлогами более склонны принимать окончание -у);
- «контекст юридической формулы» для XVII в. (в таком контексте существительные чаще принимают окончание -у, причем даже одушевленные);
- наличие/ отсутствие определения (существительные без определения чаще принимают окончание -у, чем с определением);

Некоторые параметры, а именно, «соотнесенность с глаголом» и «значение падежа» требовали конкретизации, поэтому обширная часть первой главы посвящена описанию подходов к классификации значений РП и МП (ПП) и созданию собственной рабочей классификации, которая предполагает для **РП** следующие значения: партитивное (*о^мвеси^т пораху два фу^та* №140 л.57 [Пам.Влад.]), исходно-достигательное значение (*о^мходи^т сево света* №130 л.538 [Пам.Влад.]), приглагольный родительный объекта (*она де под воротами того Трофимку березиною торнула и зипуна отнела* №152 [Пам.Смол.]), родительный при отрицании (*а дене^с и шубы ки^тдеку не ода^т* №45 л.562 [Южн.Чел.]), родительный даты (*генваря въ 4 день* №98 [Пам.Смол.]), счетная форма (*два ручника* №16 [Пам.Смол.]) и собственно родительный падеж (*дворени^т <...> ево по^тку* №130 л.538 [Южн.Чел.]), все контексты описаны там же. Рабочая классификация значений **МП** применительно к XVII в. включает форму местного падежа как часть предиката (*в полону не был* №75 [Пам.Смол.]), ряд нелокализирующих значений: изъяснительное (*би^т чело^м а праве^дно^м су^ду* №24 л.469 [Южн.Чел.]), причинное (*пристави^т к тебѣ <...> Паве^т в бою и в грабежу чл^бка своего* №260 л.5 [Пам.Влад.]), отложительное (*на <...> попѣ велѣ^т взе^м* №301 л.45об. [Пам.Влад.]), «старорусский ситуатив» (*в допросе сказали* №135 л.205 [Пам.Влад.]), коллективное (*ко^рмитца в мире* №77 л.15 [Пам.Влад.]), объектное (*поручилися <...> по смолянину по Пятре по Офонасеве сыне Бошмокове* №159 [Пам.Смол.]); и собственно локализирующие значения – местное (*сидел в саду* №167 [Пам.Смол.]) и временное (*сидели в вечеру с великим береженьем* №66 [Пам.Смол.]). Что касается ПП в текстах XX века, то большинство выделенных значений уже оказывается неактуальным, подавляющее количество примеров представляет контексты локализации, некоторые примеры являются

фразеологическими сочетаниями, нелокализирующие контексты редки и разрозненны, поэтому, чтобы не создавать классификаторы лишь с одним примером, классификация была несколько упрощена и все немногочисленные нелокализирующие контексты даются вместе.

Поскольку параметров выбора окончаний оказалось несколько для каждого падежа, классификация существительных по этим параметрам включала два уровня, чтобы она не выглядела громоздко. Для РП: первый уровень – значение падежа, принадлежность слова к определенной семантической группе, одушевленность / неодушевленность (для индивидуальных предметов), соотнесенность с глаголом (полное подробное описание поведения существительных в зависимости от этого параметра дается в 8 главе), второй уровень – число слогов в основе и характер конечного согласного звука основы. Для МП: первый уровень – значение падежа, одушевленность / неодушевленность, соотнесенность с глаголом, наличие/отсутствие определения, второй уровень – число слогов в основе и характер конечного согласного звука основы. Употребление с определенным предлогом для МП (ПП) рассматривалось отдельно, во-первых, чтобы не утяжелять классификацию, во-вторых, поскольку выбор предлога обусловлен семантическими свойствами существительного. Таким образом, семантические, синтаксические и словообразовательные параметры рассматривались на первом уровне классификации, а морфонологические – на втором. Акцентологический критерий, то есть принадлежность существительного к определенной а.п., анализировался на каждом уровне классификации (акцентология понимается в работе в широком смысле, не как часть морфонологии, как принято в современной русистике). Также особо отмечалась принадлежность существительного к бывшему типу склонения на -*й, из парадигмы которого флексия -у проникла в парадигму *ё-склонения.

В главе 2 анализируются формы РП, извлеченные из памятников деловой письменности XVII в., причем материал по каждой диалектной территории дается отдельно. Классификация строится по выработанным нами принципам, которые изложены в первой главе. Глава 2 делится на три пункта, каждый из которых охватывает одну диалектную территорию, а те, в свою очередь, – на два

подпункта, представляющих два этапа классификации⁷. Пример (из первого этапа классификации):

РП объекта

Вещественно-собираательные существительные

окончание -а

а.п. а

хлѣбъ: *погѣха*⁷ <...> *плати*^т *стрелецкого хлѣба* №306 л.50.

окончание -у

а.п. с

колосъ: у *крѣтьянь* <...> *колосу* <...> *доѣматрива*^т №78 л.1об.

кормъ: у *крѣтьянь* <...> *ко^рму* <...> *доѣматрива*^т №78 л.1об.

Каждый подпункт снабжен таблицами распределения окончаний существительных всех а. п., представляющих определенные семантические группы, встречающиеся в определенном значении падежа.

В выводах по каждому падежному значению учитывается семантическая группа слова, соотнесенность / несоотнесенность существительных с глаголом и одушевленность / неодушевленность, а также приводятся таблицы с количественным подсчетом лексем, принимающих определенные окончания в определенных формах (число слов с вариативностью окончаний приводится в круглых скобках рядом с числом слов без вариативности). Например:

Таблица 3. Распределение окончаний -а и -у в исходно-достигательном РП в [Пам.Влад.].

			индивид. предметы		веществ. собирает.		абстрактные понятия		местности	
окончание			-а	-у	-а	-у	-а	-у	-а	-у
с глаг.	неодуш.	а					(1)	12 (1)	1	7
		б	1				1			1
		с					1	5	1	2
		?						2		
не с глаг.	одуш.	а	18							
		б	3							
		с	2							
	неодуш.	а	4				1	1	6	
		б	3				2		7	
		с	1			2		1	(1)	4 (1)
		?	1							1

⁷ Таким же образом устроены главы 3, 5 и 6, далее в описании этих глав это уже не будет оговариваться.

Подобная структура позволяет делать как общие выводы о факторах выбора окончания на всех территориях, так и сопоставлять слова разных диалектных зон по разным параметрам. Пример (в круглых скобках дается процент с учетом одушевленных существительных):

Таблица 22. Принятие окончания -у существительными разных акцентных парадигм в разных значениях РП в трех группах текстов.

		РП отрицания	Собственно РП	Исходно- достигательный РП	Партитив
а.п. а	[Пам.Влад.]	73% (64%)	61% (30%)	61% (39%)	92%
	[Пам.Смол.]	71% (59%)	76% (31%)	39% (24%)	57%
	[Южн.Чел.]	67% (60%)	20% (10%)	59% (46%)	77%
а.п. б	[Пам.Влад.]	67% (50%)	16% (11%)	7% (6%)	67%
	[Пам.Смол.]	33% (22%)	—	13% (7%)	40%
	[Южн.Чел.]	25% (20%)	14% (8%)	11% (10%)	33%
а.п. с	[Пам.Влад.]	89% (80%)	68% (52%)	76% (68%)	100%
	[Пам.Смол.]	82%	78% (50%)	69% (53%)	80%
	[Южн.Чел.]	67%	50%	71% (62,5%)	100%

В главе 3 анализируются формы МП, извлеченные из памятников деловой письменности XVII в., материал по каждой диалектной территории, как и в главе 2, дается отдельно. Классификация строится по принципам, изложенным в главе 1. Пример (из второго этапа классификации):

Существительные с односложной основой косвенных падежей

С заднеязычным согласным в исходе основы

окончание -ѣ

а.п. а: *Брянскѣ, Курскѣ, Рыльскѣ.*

окончание -у

а.п. а: *Брянскѣ, Курскѣ, Рыльскѣ, Мценскѣ;*

а.п. б: *полкѣ, станокѣ;*

а.п. с: *искѣ, сыскѣ;*

а.п. ? *Севскѣ, торгѣ.*

В конце каждого пункта, соответствующего определенной диалектной территории, приводятся выводы о факторах выбора окончаний. Также проверяется наличие связи между выбором окончания в РП и МП, приводятся

списки слов, встретившихся в материале в обеих формах, и анализируется их поведение.

Глава 4 представляет собой полексемный анализ материала XVII в., осуществляется попытка выделить группы существительных, в большей или меньшей мере тяготеющих к определенным окончаниям, то есть выявлены группы слов, которые можно назвать **ядерным классом принятия стандартных окончаний** (это существительные а.п. *a* и а.п. *b*, одушевленные существительные, заимствованные названия месяцев и названия дней недели, слова, относящиеся к сакральной лексике, слова *хлѣбъ*, *овесъ*, *дворъ*, *монастырь*, *погребъ*) и **ядерным классом флексии -у** (существительные а.п. *c*, односложные, чаще всего с основой на заднеязычный). Также определены существительные, которые можно отнести **к периферии присоединения обоих окончаний**: это существительные с вариантными окончаниями в сходных контекстах, при этом среди них выделяются тяготеющие к флексии -у (например, *миръ*, *домъ* – древнего склонения на -*ѣ) или же к стандартной флексии (*городъ*, *сынъ* – последнее также древнего *ѣ-склонения).

Глава 5 представляет собой описание РП на материале диалектных записей XX в., устройство этой главы идентично устройству главы 2, но таблицы распределения окончаний после каждого пункта не приводятся, поскольку очевидно преобладание флексии -у в контексте партитива безотносительно к другим параметрам. В конце даются общие выводы по принятию определенных окончаний словами с определенными параметрами.

Применительно к акцентологии материал XX в. распределен по а.п., существовавшим в древнерусском языке, без применения классификации по современным акцентным типам литературного языка. Это сделано для удобства сравнения с историческим материалом и из-за возможного несовпадения а.п. слова в литературном языке и в диалекте. Большинство слов, обнаруженных в материале, сохранило ту а.п., по которой изменялось и ранее. Если же произошло какое-либо изменение, это указывается в сноске. Для поздних заимствований (напр. *автобус*, *директор*, *мотоцикл*) и для слов русского происхождения, появившихся сравнительно поздно (напр. *председатель*) указана современная акцентная парадигма, поскольку в XVII веке их еще не было. То же самое сделано

для аббревиатур советского периода (напр. *совхоз, сельсовет*). Большинство таких слов изменяются по а.п. *а*, как недавно появившиеся в языке, но есть и исключения (напр. *лагерь, фронт, штаб* – а.п. *с*).

Глава 6 посвящена описанию окончаний предложного падежа на материале диалектов XX века. Как уже было замечено, первый этап классификации упрощен, поскольку в материале не встретилось того разнообразия нелокализующих контекстов, которое мы видели в текстах XVII века. Пример:

Нелокализующие контексты

окончание -е

а.п. а

[инструмент] велосипед: *едет дядька на лисапедe* 2s-Chp-Iv-a.

[инструмент] мотоциклет: *ехали на мотоциклете* 3s-Iv-a.

[устойчивое сочетание] почет: *баба была в почете* 3s-Iv-b.

а.п. b

[инструмент] мешок: *вешали специально в мешке* (взвешивали кота) 1s-plnsh2.

[ситуативный контекст] сон: *видала во сне* 1s-plsk-a, *что ты сегодня во сне видала* – 2 раза 2s-Chp-Iv-a, *как во сне* 1s-plnsh3, *не знаю, как это гадают, чтобы во сне* 2s-plnsh1.

а.п. с

[причина] холод: *солдаты помирали от туберкулёза и в холоде замерзали* 2s-plnsh2.

окончание -у

а.п. с

[часть предиката] плен⁸: *отец мой был в плену* – 2 раза 2s-Chp-Iv-b.

а.п. b

[устойчивое сочетание] толук⁹: *на толоку* (сообща, все вместе) 2s-plnsh1.

⁸ В современном языке слово изменило а.п. *с* на а.п. *а* [Зализняк 2010-1: 497].

⁹ Здесь, возможно, устойчивое сочетание. Значение, скорее всего «о людном месте» [СРНГ т.44, 2011: 198], указано ударение *толо́к*, значит, это а.п. *b*.

Глава 7 представляет собой полексемный анализ материала XX в., выделяются группы существительных, в большей или меньшей мере тяготеющих к определенным окончаниям, то есть **ядерный класс принятия стандартных окончаний** (это в основном существительные а.п. *a* и а.п. *b*, заимствованные названия месяцев, почти все одушевленные существительные, новейшие заимствования и аббревиатуры, слова *хлеб* (и производное *хлебушек*), *овес*, *двор*, сюда же перешло слово *город*, которое в XVII веке лишь тяготело к стандартной флексии) и **ядерным классом флексии -у** (это в основном существительные а.п. *c*, слова с вещественно-собирательным значением, односложные с основой на заднеязычный). Также определены существительные, которые можно отнести к **периферии присоединения обоих окончаний**, но стоит заметить, что количество существительных, проявляющих вариативность окончаний, в XX веке значительно сократилось.

В **главе 8** дается сравнительный анализ материала XVII и XX веков по каждой диалектной территории отдельно, а именно сравнивается поведение лексем, которые встретились в текстах обоих веков, но для каждой территории набор повторяющихся лексем получился особым. Там же дается список слов, изменивших а.п., и проводится сравнение их поведения. Кроме того, указываются слова, акцентная парадигма которых была модифицирована в речи информантов. К сожалению, этот материал нельзя назвать исчерпывающим, но можно заключить, что смена акцентной парадигмы не сильно влияла на смену тенденций при выборе окончаний, по крайней мере, мы не находим ярких примеров этого (кроме слова *плуг*, сменившего а.п. *a* на а.п. *c* и получившего окончание -у в РП в XX в., в то время как в XVII в. имело окончание -а при а.п. *a*). Вероятно, это связано с тем, что в XX веке акцентная парадигма уже не являлась главным фактором выбора окончаний. Она была важна лишь в не-партитивных контекстах, когда окончание -у было обусловлено группой факторов: односложностью основы, подвижным ударением, соотносённостью с глаголом. Кроме этого, в главе 8 подробно описывается и сравнивается поведение существительных, соотносённых с глаголом, в текстах обоих веков. Можно заметить следующие тенденции: в XVII веке существительные а.п. *a* в основном ведут себя по модели «-у в РП, -ъ в МП» (26 слов из 29), 3 слова имеют стандартные окончания в обоих

падежах (*выходъ, огородъ, покровъ*), существительные а.п. *с* предпочитают модель «-у в РП и МП» (6 слов из 7), 1 слово имеет только стандартные окончания (*погребъ*). В текстах XX века примеров существительных, соотнесенных с глаголом не очень много, однако можно заметить, что все существительные а.п. *с* в ПП имеют окончание -у, в то время как большинство существительных а.п. *а* и единственное слово а.п. *б* имеют окончание -е. Существительные *огород, обед, спас* (а.п. *а*), *суд, труд, сон* (а.п. *б*), *город, погреб, воз* (а.п. *с*), *рой* (а.п. *?*) предпочитают стандартные окончания, как и в XVII веке. Существительные *наряд* (а.п. *а*, другое значение), *полонь* (а.п. *б*), *мостъ, корм, ходъ* (а.п. *с*), *бой* (а.п. *?*) сохранили тенденцию к нестандартной флексии. Ряд существительных со сменой значения поменял нестандартные флексии на стандартные: *заводъ* (обзаведение) – *завод* (учреждение), *приютъ* (действие по глаголу «приютиться») – *приют* (учреждение), *поѣздъ* (гости на свадьбе, провожающие молодых в церковь) – *поезд* (транспортное средство). Слово *садъ* в XVII в. имело исключительно нестандартные флексии в обоих падежах, а в XX в. стало присоединять -а в РП, но по-прежнему -у в ПП, что сближает поведение этого слова с литературной нормой (*из сада, но в саду*). Слово *приходъ* в XVII в. присоединяло окончание -у в РП и -ѣ в МП (то есть вело себя по типичной модели существительных а.п. *а*, соотнесенных с глаголом), а в XX в. встречаем это слово с окончанием -а в РП.

В **приложении I** помещен полный список лексем (в виде сопоставительных таблиц), разделенных в соответствии с а.п., с указанием окончания в РП и МП в текстах трех диалектных зон в XVII в. В **приложении II** представлен аналогичный список лексем из материала XX в. В **приложении III** приводится список лексем, встретившихся как в текстах XVII, так и в текстах XX в. (в виде сравнительной таблицы), разделенных в соответствии с а.п., с указанием окончаний в РП и МП (ПП) в текстах трех диалектных зон в оба периода.

В **заключении** подводятся итоги работы и делаются выводы. Проведенный анализ позволяет заключить следующее: в XVII в. окончание -у в РП могли присоединять существительные разных значений (в меньшей степени – существительные, обозначающие конкретные предметы, в большей – абстрактные и вещественно-собираательные) в разных падежных значениях. Но наиболее последовательно окончание -у присоединяли существительные а.п. *с*, особенно с

вещественно-собирательным значением (*медь, порохъ*), особенно в партитиве. То есть главными условиями принятия окончания -у были контекст партитива для вещественно-собирательных существительных и а.п. *с* (слова с тремя этими параметрами имели окончание -у всегда, в 100% случаев). Два существительных с вещественно-собирательным значением, *хлѣбъ* (а.п. *а*) и *овесъ* (а.п. *б*), никогда не присоединяют нестандартной флексии. Сама по себе а.п. *с*, даже если слово имеет другое значение и находится в другом контексте, также гарантирует большую вероятность присоединения нестандартной флексии. В текстах XVII века наиболее склонными к окончанию -у были слова а.п. *с*, на втором месте – слова а.п. *а*, а наименее охотно присоединяли его слова а.п. *б*.

Важным фактором выбора окончания -у в РП является также соотнесенность существительного с глаголом. Большинство слов, соотнесенных с глаголом, имеют а.п. *а*, так как эти слова, как правило, являются позднейшими производными от приставочных глаголов, то есть состоят из приставки и корня, а модель *потѣпъ* была основной для слов *о-* и *а-* основ, состоящих из минусовой приставки и корня (исходная маркировка которого не важна), а три остальные модели – *отрѣкъ*, *окупъ* и *засуха* (где приставка меняет минусовую маркировку на самоударность) были второстепенными¹⁰. Подавляющее большинство таких слов в исследованных текстах имеют модель *потѣп* и, следовательно, а.п. *а* (напр. *запой*, *приказъ*, *нарядъ*, *пересудъ*, *посадъ*, *приходъ*, *наказъ*, *расколъ* и т.д.), а.п. *а* видим и у слов с приставкой *вы-*, имеющей маркировку ↓ (самоударность): *выпускъ*, *выгонъ*; есть редкие примеры модели *окупъ* (*возрастъ*, *окупъ*, *отпускъ*, *промысль*, *сыскъ*, *обыскъ*, *накупъ*), такие слова имеют а.п. *с*, но их число несоизмеримо мало, по сравнению с числом слов, имеющих а.п. *а*.

Большинство слов, соотнесенных с глаголом, присоединяет окончание -у в РП. А поскольку почти все они имеют а.п. *а*, это и увеличивает процент присоединения словами а.п. *а* нестандартной флексии и делает их количественный показатель намного выше, чем у слов а.п. *б*.

Высокий процент присоединения словами а.п. *с* нестандартной флексии объясняется подвижностью ударения. Существительные древней *й-основы, из которой пришло окончание -у, имели именно подвижное ударение, окончание РП

¹⁰ Зализняк А.А. Труды по акцентологии. Т.1. М., 2010. С.153.

единственного числа у них было безударным, то есть ударение в этой форме падало на основу, которая у этих слов была в основном односложная. Возможно, это объясняет нежелание существительных а.п. *b* присоединять окончание -у в РП.

Окончание -а присоединяют одушевленные существительные, обозначающие индивидуальные предметы (то есть исчисляемые одушевленные и неодушевленные). А поскольку большинство таких слов обычно выступает в контексте собственно РП, то он в большей степени ассоциируется с окончанием -а, тогда как с окончанием -у – партитив, ведь в данном значении большинство слов имеет окончание -у, даже слова а.п. *b*.

В материале XX века видим следующую тенденцию: почти все вещественно-собираательные существительные в контексте партитива присоединяют окончание -у, уже независимо от а.п. В этом контексте окончание -а имеют только три слова: *мухомор* (в значении 'средство от мух'), *хлеб* (а.п. *a*) и *овес* (а.п. *b*), два последних слова и в XVII веке никогда не присоединяли окончания -у. В не-партитивных значениях РП примеров с окончанием -у крайне мало, их число наименьшее в среднерусских текстах (*вкус* – а.п. *a*, *верх*, *край*, *лес*, *дом* – а.п. *c*), среднее – в западнорусских текстах (*могильник*, *испуг*, *тиф* (*тих*) – а.п. *a*, *столб* – а.п. *b*, *год*, *бок*, *лес*, *голос* – а.п. *c*), а наибольшее – в южнорусских (*керосин*, *разгиб*, *дележ*, *плуг*, *испуг*, *мясоед* – а.п. *a*, *цеп*, *дождь* – а.п. *b*, *мед*, *суп*, *вечер*, *лог*, *свет*, *корм*, *род*, *сад* – а.п. *c*, *бой* – а.п. ?).

Как можно заметить, подавляющее большинство перечисленных слов, имеющих окончание -у не в партитиве, принадлежат к а.п. *c*, являются односложными или соотнесенными с глаголом.

Из морфонологических параметров можно отметить как влияющие на выбор окончания -у в РП следующие: односложная основа на заднеязычный согласный. В среднерусских и западнорусских текстах все такие слова имеют окончание -у, но в южнорусских 3 слова из 12 с такими параметрами все же имеют окончание -а (*полк*, *грех* – а.п. *b*, *бок* – а.п. *c*). Все-таки 3 слова – это небольшое число исключений, поэтому за односложностью основы и заднеязычным в ее исходе можно признать влияние на выбор нестандартной флексии. Однако важно понимать, что эти два параметра работают только вместе. Основа на заднеязычный сама по себе не является фактором принятия окончания -у,

поскольку среди многосложных существительных на заднеязычный преобладают названия еды (вещественно-собирательные существительные) с суффиксом -ок (-ек) или -ик: *чесночок, горошек, сахарок, укропчик* и т.д.; окончание -у у них объясняется, в первую очередь, их значением и контекстом партитива. Односложность сама по себе также не является самостоятельным фактором выбора окончаний, на основании только этого параметра у существительных не было выявлено никаких тенденций в поведении.

Итак, важным изменением от ситуации XVII в. к ситуации XX в. в плане РП является следующее: в XVII в. окончание -у было характерно, в первую очередь, для слов а.п. с и соотнесенных с глаголом а.п. а (в любых падежных значениях), с тем, что в партитиве последовательно увеличивался процент существительных с окончанием -у для всех а.п., самый высокий процент принятия окончания -у имели вещественно-собирательные и абстрактные существительные. В XX в., независимо от а.п., почти все существительные в партитиве имеют окончание -у. В других падежных значениях принятие нестандартной флексии нечасто, повышает вероятность присоединения этой флексии подвижность ударения, соотнесенность с глаголом и односложность основы с заднеязычным в ее исходе.

У существительных в МП в XVII веке окончание -у было распространено не только в контекстах с локализирующим (по месту и времени) значением (*сидел в саду* №167, *сидели в вечеру с великим береженьем* №66 [Пам.Смол]). Эту флексию видим и во всех других значениях падежа, например, *став на обыску* №19 [Пам.Смол] (существительное – часть предиката), *би^л чело^м а праве^оно^м су^{оу}* №24 л.469 [Южн.Чел] (изъяснительное значение), *пристави^л к тебѣ <...> Паве^л в бою и в грабежу чл^ека своего* №260 л.5 [Пам.Влад] (причинное значение), *взя^т на ^есту^лицику <...> сто рубле^е* №80 л.86 [Южн.Чел] (аблативное), *ста^л в делу хитри^т* №24 л.469 [Южн.Чел] (древнерусский ситуатив), *земля <...> у на^с у все^м миру в <...> о^броке* №133 л.1 [Пам.Влад] (коллективное), *поручилися <...> по смолянину по Пятре по Офонасеве сыне Бошмокове* №159 [Пам.Смол] (значение объекта при глаголе *поручиться*). Однако наиболее типичной функцией МП и в XVII в. было выражение локализации, поэтому в таком контексте мы видим в целом намного больше примеров, чем в других контекстах, причем как с нестандартным, так и со стандартным окончанием, так что процентное число примеров с окончанием -у в

контексте пространственной локализации совсем не выглядит впечатляюще (26%). Иллюзия преобладания окончания -у в МП со значением локализации объясняется, таким образом, лишь численным превосходством конструкций с этим значением.

Для локализирующего значения МП можно выделить следующие тенденции при выборе флексии -у:

В текстах восточносреднерусской территории в XVII в. в МП со значением пространственной локализации с окончанием -у встретились в основном слова а.п. *с* (или а.п. ?), причем односложные, часто с основой на заднеязычный: *берегъ, верхъ, домъ, дубъ, жеребей, лоскъ, лугъ, лѣсъ, рядъ, снегъ, станъ* (а.п. *с*), *Лух, Мыть, скирдъ, торгъ* (а.п. ?) и три слова а.п. *б*, все односложные с основой на заднеязычный (*Бережок, Мошокъ, полкъ*), два из них – топонимы. Слова а.п. *а* с окончанием -у не встретились.

В западнорусских текстах в этом же контексте с окончанием -у видим также в основном слова а.п. *с* (*верхъ, городъ, лѣсъ, садъ, слухъ, станъ*) – они односложные, а.п. ? (*бой, торгъ*) – тоже односложные, два слова а.п. *б* (*мѣшокъ, Торжокъ*) – односложные на заднеязычный, одно слово – топоним, и три слова а.п. *а* (*Брянскъ, Можайскъ, Смоленскъ*) – все с основой на заднеязычный, все топонимы.

В текстах южнорусской территории в этом контексте с окончанием -у видим слова а.п. *с* (*берегъ, лѣсъ, мостъ, станъ*), а.п. ? (*поѣздъ, Севскъ, торгъ, черезъ, Чиръ, пчельникъ*), два слова а.п. *б* (*полкъ, станокъ*) – односложные на заднеязычный, и пять слов а.п. *а* (*Брянскъ, Курскъ, Можайскъ, Мценскъ, Рыльскъ*) – все на заднеязычный, все топонимы, все, кроме *Можайскъ*, односложные.

Отсюда следует, что для слов а.п. *с* (которые в большинстве своем односложны) окончание -у в МП с локализирующим значением характерно, независимо от характера конца основы. Слова а.п. *б* в этом контексте встречаются редко, если и встречаются, то все они односложные на заднеязычный, слова а.п. *а* встречаются также редко, и если встречаются, то это топонимы с основой на заднеязычный. Кроме того, топонимы а.п. *а*, наряду с окончанием -у, часто встречаются и с окончанием -ѣ, то есть проявляют вариативность флексий.

Из 101 слова, встретившегося во всех нелокализирующих контекстах, исключительно окончание -у (без вариативности) имеют лишь существительные: *голодь, долгъ, искъ, клѣи, пиръ, сыскъ* (а.п. с). Все эти слова относятся к а.п. с, они односложные, три из них имеют заднеязычный в исходе основы, одно – непарный по мягкости/твердости (*клѣи*), одно раньше имело *й-основу (*пиръ*). Также с окончанием -у встретились слова среднего рода: *бесчестье, здоровье, увѣчье, челобитье* (основа на непарный по мягкости/твердости), и два одушевленных существительных: *смолянинъ, вступщикъ*. Вариативность окончаний -ръ/-у проявляют существительные: *грабежь, остатокъ, раздѣль, умолотъ* (а.п. а), *полонъ, судъ* (а.п. b), *дѣль, миръ, обыскъ* (а.п. с), *бой* (а.п. ?), и одно одушевленное существительное: *холопъ* (а.п. а). Таким образом, в нелокализирующих контекстах флексия -у встречается редко, обычно у односложных существительных а.п. с. Вариативно окончание -у присоединяют существительные, соотнесенные с глаголом, разных а.п.

Соотнесенность с глаголом, вопреки предположениям исследователей, препятствует принятию окончания -у в МП, поскольку, как было уже замечено, большинство таких существительных имеют а.п. а, а такие слова не склонны к ударному окончанию -у в МП из-за ударения на основе.

Фактор наличия / отсутствия определения перед существительным в МП как действующий самостоятельно не только трудно назвать решающим, его даже сомнительно считать хоть как-либо влияющим на явление нестандартной флексии. Например, существительное *дворъ* в примере с определением *на круже^{но} дворъ* №80 л.972 имеет стандартное окончание, но такое же окончание видим и без определения *на дворъ* №1 л.4 [Пам.Влад]. Точно так же слово *рядъ* демонстрирует окончание -у во всех примерах, как с определением, так и без него: *в ряду* №289 л.33, и *в рыбномъ ряду* №87 л.35, *в <...> колаш^{но} ряду* №90 л.886, *в чеснош^{но} ря^{ду}* №89 л.133, *в соляно^м ря^{ду}* №89 л.133об. и т.д. [Пам.Влад].

Предположение Г.А. Хабургаева о более частом присоединении окончания -у существительными в конструкциях со значением объекта насилия или ответчика по иску («юридическая формула»)¹¹, судя по формулировке и приводимым примерам, относится к одушевленным существительным мужского рода. В

¹¹ Хабургаев Г.А. Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. М., 1990. С.102.

большинстве случаев все одушевленные существительные принимают стандартное окончание, среди примеров есть лишь три с окончанием -у: *поручилися* <...> *по смолянину по Пятре по Офонасеве сыне Бошмокове* №159 [Пам.Смол.] (значение объекта глагола *поручитися*), *взя^м на ⁶сту^нщ^ику* <...> *сто рубле⁶* №80 лл.86, 87, *на мнѣ на¹² холопу твоему праве^м* №14 л.104 [Южн.Чел.] (значение лица, с которого что-либо взыскивается, на которое возлагается ответственность). Здесь, действительно, видим «юридическую формулу». Однако в большинстве примеров каких-либо «юридических формул» существительные имеют стандартное окончание: *искал* <...> *на* <...> *холопе* №56 л.344 [Южн.Чел.], *на* <...> *попѣ велѣ^л взе^м* №301 л.45об. [Пам.Влад.], *искала на брате* №101 [Пам.Смол.]. Можно сказать, что для одушевленных существительных окончание -ѣ более характерно, а окончание -у, если и встречается, то в основном в контекстах, выделяемых Г.А.Хабургаевым, и только на юго-западной территории.

В МП в текстах западнорусской и южнорусской территории встретились слова среднего рода и одушевленные мужского рода с окончанием -у. Это слова: *смолянинѣ, здоровье* (на западнорусской территории); *вступщикѣ, холопѣ, бесчестье, увѣчье, челобитье, помѣстье* (на южнорусской территории). Это подтверждает гипотезу о большем распространении нестандартной флексии в юго-западной зоне, поскольку в среднерусских текстах такое не наблюдается.

Интересно отметить, что все упомянутые 5 слов среднего рода, найденных в материале, на которые распространилось окончание -у, имеют основу на непарный по мягкости/твердости согласный [j]: *бесчестье, увечье, челобитье, помѣстье, здоровье*. Хотя сам по себе параметр «непарный по твердости / мягкости согласный в исходе основы» не сильно влияет на присоединение окончания -у: из 23 существительных с такой характеристикой лишь 2 присоединяют исключительно его (*клѣй и жеребей*) и 2 проявляют вариативность (*бой, грабежь*). Окончание -у у слов *клѣй* и *жеребей* объясняется, скорее, их принадлежностью к а.п. с в сочетании с односложностью основы. Среди слов с основой на непарный по твердости / мягкости согласный, присоединяющих только окончание -ѣ, нет ни одного слова а.п. с, но есть 8 односложных (например, *май, берць, конець*). Поэтому следует считать фактор принадлежность

¹² Написано по каким-то другим буквам.

к а.п. с более решающим при выборе нестандартной флексии, чем односложность основы, а фактор наличия в исходе основы непарного по твердости / мягкости согласного не следует рассматривать как действующий независимо.

В текстах XX в. ситуация следующая: существительные в ПП принимают окончание -у в основном в контексте локализации, и число примеров принятия нестандартной флексии в нелокализирующих контекстах в XX в. заметно сокращается, по сравнению с ситуацией XVII в., все эти примеры можно перечислить: на всех трех территориях окончание -у видим у слова *плен* (везде как часть предиката: *быть в плену*), в составе устойчивых сочетаний: *на толоку*¹³ 2s-plnsh1 (запад), *на помину нет у меня подарка никакого* A-0570 (юг), и еще в четырех примерах из южной зоны: *я стояла вон на дождю* [дажжѹ] A-0450, *человек век прожил, на кабану не ездил, а бог дал, нынче покатался* A-0497, *на белом коню* (император) A-0623, *писала об сыну* A-0410. Интересно, что в трех из этих примеров существительное одушевленное.

Все остальные примеры с окончанием -у встретились нам исключительно в контексте локализации (временной и пространственной). И здесь можно выявить следующие тенденции:

В среднерусских текстах в ПП с окончанием -у в контексте со значением пространственной локализации встретились в основном слова а.п. с (*верх, ветер, дом, круг, лес, мост*), одно слово а.п. а (*ало́й* – деформированное *аналой*) и слово а.п. ? (*сквер*). Все эти слова односложные.

В западнорусских текстах в этом контексте с окончанием -у видим слова а.п. с (*низ, зоб, сад, пол, тыл*), а.п. ? (*под*), слово а.п. b (*столб*), и три слова а.п. а (*садик, сельсовет, Смоленск*) – два с основой на заднеязычный, один топоним; все они, кроме слов *сельсовет* и *Смоленск*, односложные.

В южнорусских текстах в этом контексте с окончанием -у видим слова а.п. с (*дом, лес, луг, Лог, пол, сад, снег, тыл, ход, край*), а.п. b (*возок, лесок, передок, полк, держак, куток, полк, уголок, ремень, еж, хребет*) – почти все односложные (кроме *держак*), большинство с основой на заднеязычный (кроме *ремень, еж, хребет*); и два слова а.п. а (*маньяк, участок*) – оба с основой на заднеязычный.

¹³ Сообща, все вместе.

Можно сказать, что для ПП в XX в. работают в основном те же принципы, что и для МП в XVII в., однако наблюдается расширение нестандартной флексии у существительных а.п. *a* и а.п. *b* в текстах западной и южной территории в локативе, там же, как и в XVII в., окончание *-у* встречаем у слов среднего рода и у одушевленных мужского рода. Это слова: *Брежнев, Сталин* (западнорусские тексты), *сын, еж, кабан, конь, солнышко, сито* (южнорусские тексты). Интересно, что оба слова с западной территории являются именами собственными, в XVII веке этого не было: *поручилися <...> по смолянину по Пятре по Офонасеве сыне Бошмокове №159* – имя собственное здесь имеет стандартное окончание МП, а слово *смолянинъ* – окончание *-у*.

Фактор наличия предлогов *в* и *на* не является самостоятельным, несмотря на то что в сочетании с этими предлогами существительные действительно имеют окончание *-у* чаще, чем с предлогами *о*, *при* и *по*. Это можно объяснить тем, что с предлогами *о*, *при*, *по* чаще встречаются одушевленные существительные, а с предлогами *в* и *на* – неодушевленные, что легко объяснимо: в большинстве примеров эти предлоги вводят конструкции, выражающие локализацию (*въ лѣсу, на мосту*). Одушевленные существительные в XVII в. встречаются с этими предлогами редко, в контекстах юридической формулы. Так что нельзя приписывать этому явлению зависимость лишь от предлога, поскольку возможность существительного иметь тот или иной предлог зависит от значения самого существительного, от его (не)одушевленности и от падежного значения, которое оно имеет. Это справедливо и для текстов XX в., там с предлогами *о* и *при* также чаще выступают одушевленные существительные, но в текстах западных и южных территорий они бывают с окончанием *-у*.

Слова с древней *й-основой присоединяют окончание *-у* хотя бы вариативно, это связано с тем, что большинство таких слов имеет подвижный тип ударения и односложную основу (напр., *дом, сад, ряд, стан, чин, мед* и т.д.).

Заемствованные слова как в XX, так и в XVII в. предпочитают стандартное окончание, они имеют в основном тривиальное склонение (неподвижное ударение, в основном а.п. *a*).

Основные результаты работы отражены в следующих публикациях:

**I. Научные статьи в изданиях, рекомендованных для защиты в
диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по
специальности 10.02.01. – русский язык**

1. *Плотникова А.И.* Выбор окончания родительного падежа единственного числа существительными мужского рода в истории русского языка // Вестник Московского университета¹⁴. Серия 9. «Филология». – № 6. – М.: Изд-во Московского университета, 2015. – С.134-145.

2. *Плотникова А.И.* Значения местного падежа у существительных мужского рода в русском языке XVII века: факторы выбора окончания *-ѣ* или *-у*. // Вестник Московского университета. Серия 9. «Филология». – №3. – М.: Изд-во Московского университета, 2017. – С.203-213.

3. *Плотникова А.И.* Формы на *-у* родительного и местного падежа слов мужского рода в русских диалектах в исторической перспективе (на материале текстов XVII и XX веков) // Мир науки, культуры, образования¹⁵. Серия «Филологические науки». – № 2, 2018, С.607-611.

4. *Плотникова А.И.* Критерии выбора окончания в местном падеже единственного числа существительными мужского рода в XVII веке. // Мир науки, культуры, образования. Серия «Филологические науки». – № 4, 2018, С.515-519.

II. Тезисы в сборниках и материалах научных конференций

5. *Плотникова А.И.* Формы родительного падежа на *-у* в восточных среднерусских говорах XVII века // Материалы международного молодежного научного форума «Ломоносов-2013» / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, К.К. Андреев, М.В. Чистякова. [Электронный ресурс]. М.: МАКС-Пресс, 2013.

6. *Плотникова А.И.* Формы родительного падежа на *-у* в западнорусских говорах XVII века // Материалы международного молодежного

¹⁴ Импакт-фактор РИНЦ 2017 – 0,119 (https://elibrary.ru/title_about.asp?id=8510).

¹⁵ Импакт-фактор РИНЦ 2017 – 0,237 (https://elibrary.ru/title_about.asp?id=26070).

научного форума «Ломоносов-2014» / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. [Электронный ресурс]. Т. 1. М.: МАКС Пресс, 2014.

7. *Плотникова А.И.* Нелокализирующие значения местного падежа в деловых текстах XVII века // Материалы международного молодежного научного форума «Ломоносов-2016» / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. [Электронный ресурс]. М.: МАКС-Пресс, 2016.

8. *Плотникова А.И.* Окончания родительного падежа единственного числа существительных мужского рода в письменных памятниках русского языка XVII века // Русская грамматика 4.0. Сборник тезисов Международного научного симпозиума (Москва, 13–15 апреля 2016 г.). Том 1. М., 2016. С. 593-597.

9. *Плотникова А.И.* Факторы присоединения существительными мужского рода окончания -у в местном падеже единственного числа // III Международный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире». Труды и материалы. М.: МАКС-Пресс, 2016. С. 269-271.

10. *Плотникова А.И.* Флексия -U/ -У в родительном падеже единственного числа у существительных мужского рода в словенском и русском языке // Словенский язык, литература и культура в славянском и европейском контексте: Тезисы международной научной конференции: Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, Филологический факультет, 28-29 ноября 2016 г. М.: МАКС-Пресс, 2016. С. 88-91.

11. *Плотникова А.И.* Влияние семантического фактора на выбор окончания -у/-ъ существительными мужского рода в местном падеже единственного числа в русском языке 17 века // 12th Slavic Linguistics Society Annual Meeting. Book of Abstracts. Ljubljana: Založba ZRC. 2017. S. 161-162.